

## Флеминг Ян

### С прицелом на убийство

Глаза за большими защитными очками из черной резины сверкали холодным каменным блеском. Только они оставались спокойными в этой плоти, мчащейся на грохочущем мотоцикле "БСАМ-20" со скоростью семьдесят миль. Глаза пристально смотрели вперед, прямо перед собой поверх руля, и их темные застывшие зрачки напоминали дуло оружия. Верхняя часть лица была закрыта очками, и ветер попадал мотоциклисту прямо в рот, растягивая губы в широкую ухмылку, открывавшую передние зубы и беловатые десны. Из-за ветра щеки были похожи на слегка пульсирующие мешочки. Специальные черные перчатки, выступающие справа и слева от низко опущенной головы в защитном шлеме, напоминали лапы большого, изготовившегося к нападению зверя. Человек был одет в форму мотоциклиста королевских войск связи, и его мотоцикл был бы похож на обычную машину британской армии, если бы не улучшенный вариант клапанов и карбюратора, а также снятые для увеличения скорости глушители. Ничто ни в самом человеке, ни в его экипировке не предполагало, что он был не тем, кем казался, исключение составлял полностью снаряженный "люгер", прикрепленный к бензобаку.

Было семь часов майского утра, и пустынная прямая дорога, которая шла через лес, блестела от светящегося весеннего тумана. Мелькавшие по обе стороны дороги прогалины между дубовыми деревьями, покрытые мхом и цветами, выглядели так же театрально красиво, как королевские леса в Версале и Сен-Жермене. Это было шоссе Д-98, вторая по значимости дорога для местного движения в округе Сен-Жермена, и мотоциклист только что пересек шоссе Париж - Мант, по которому с грохотом проносились машины в сторону Парижа. Мотоциклист ехал на север, в сторону Сен-Жермена. В этом же направлении, приблизительно в полумиле впереди, двигался только еще один связист королевских войск. Тот был моложе, изящнее, на мотоцикле сидел расслабившись, наслаждаясь утром и сохраняя скорость где-то около сорока миль. Он не торопился - день выдался прекрасный - и размышлял о том, что станет есть, когда вернется в штаб около восьми часов, - глазуню или омлет.

Пятьсот ярдов, четыреста, триста, двести, сто. Человек, приближающийся сзади, снижает скорость до пятидесяти миль. Он поднимает правую перчатку к зубам, стаскивает ее и запихивает между пуговицами мундира. Затем опускает руку и отстегивает оружие. Теперь его, должно быть, хорошо было видно в зеркале молодого человека, ехавшего впереди, потому что тот неожиданно оглянулся, удивившись при виде другого связиста, появившегося на дороге в это же утро. Он ожидал американскую или, возможно, французскую военную полицию, это мог быть представитель любой из восьми стран-членов в штабе верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Но еще одного связиста встретить было мудрено, вот почему он удивился и обрадовался. Кто же это мог быть? В знак приветствия он бодро поднял большой палец правой руки и сбросил скорость до тридцати, поджидая, когда коллега поравняется с ним. Наблюдая за дорогой и за приближающимся Силуэтом, он перебрал в уме имена британских связистов специальной службы транспортной части в штабе объединенного командования. Альберт, Сид, Уэлли. Может быть, это Уэлли - та же полная фигура? Хорошо идет! Ах да, он еще морочит голову этой девчонке в столовой: Луиза, Элиза, Лиз - как ее зовут?

Человек с оружием сбросил скорость. Сейчас их разделяло пятьдесят ярдов. Лицо преследователя, не искаженное теперь ветром, приобрело грубоватые, жесткие, в чем-то славянские очертания. В черных глазах горела красная искра. Сорок ярдов,

тридцать. Одинокая сорока вылетела из леса перед молодым связистом. Она неуклюже пролетела над дорогой и скрылась в кустах за указательным знаком, который оповещал о том, что до Сен-Жермена остался один километр. Молодой человек усмехнулся и иронически поднял палец: повторное приветствие и так, на всякий случай - "одинокая сорока к беде". В двадцати ярдах от него человек с оружием оторвал руку от руля, поднял "люгер", аккуратно прицелился и выстрелил один раз.

Руки молодого человека отбросило от руля назад к спине. Его мотоцикл сделал вираж, перепрыгнул через узкую канаву и врезался в траву и лилии, росшие в ложине. Здесь мотоцикл со скрежетом поднялся на заднее колесо и медленно, с грохотом повалился на мертвого мотоциклиста. Мотор зачихал, фыркнул напоследок, обдав дымом человека и цветы, а затем замолк.

Убийца резко развернулся в обратную сторону и остановил мотоцикл. Он закрепил его на месте и пошел по дикорастущим цветам. Наклонился над убитым, грубо открыл ему веко. Также грубо он снял с трупа черную полевую сумку из кожи, расстегнул мундир и вытащил потрепанный кожаный кошелек. Резко сдернул дешевые наручные часы с левой руки, так что хромовый браслет разлетелся пополам. Он встал и перекинул полевую сумку через плечо. Пока клал кошелек и часы в карман мундира, постоянно прислушивался. Ни звука, кроме лесных шорохов да тихого постукивания горячего металла разбитой машины. Убийца вернулся на дорогу. Он шел медленно, забрасывая листьями следы от шин на мягкой земле и траве. Особое внимание он обратил на более глубокие следы в канаве и на бордюре. Затем остановился около своего мотоцикла и оглянулся назад - на поле, усыпанное лилиями. Неплохо! Сюда смогут добраться лишь полицейские собаки, а для этого потребуются часы или, возможно, дни. Времени, чтобы проехать необходимые десять миль, хватит с излишком. Главное в таких делах - иметь достаточный запас времени. Он мог бы застрелить человека на расстоянии сорока ярдов, но предпочел двадцать. А то, что прихватил часы и кошелек, только усложнит поиск - работал настоящий профессионал.

Довольный собой, он снял мотоцикл с упора, уселся на сиденье и нажал на стартер. Медленно, чтобы не оставить следов, он вновь выехал на дорогу и через минуту уже мчался со скоростью семьдесят миль, и ветер опять раздвигал его щеки в ухмылке. Лес, затаивший дыхание во время убийства, медленно оживал.

Джеймс Бонд выпил свою первую рюмку "У Фуке". Напиток не был крепким. Невозможно серьезно напиться во французском кафе. Сколько можно проглотить водки, виски или джина в городе и на солнцепеке? Виски с содовой еще пойдет крепко, но не так забористо. Полбутылки шампанского или шампанское плюс апельсиновый сок хороши перед завтраком, но вечером с шампанским может быть перебор. Шампанское вредно на сон грядущий. Можно, конечно, перейти на "Перно", но такое вино нужно пить в компании, да и Бонду этот напиток был вовсе не по вкусу, он горчил, как микстура в детстве. Нет, в кафе надо пить что-нибудь приятное, и Бонд всегда брал одно и то же - вполне по-американски горький "Самоари": "Чинзано", ломтик лимона и сода. Он всегда брал дорогую содовую воду "Перрье", так как считал, что дорогая содовая вода - это самый дешевый способ улучшить плохой напиток.

Когда Бонд бывал в Париже, он неизменно ходил по одним и тем же адресам. Останавливался в гостинице "Терминус Норд", потому что ему нравились привокзальные гостиницы: они были не столь претенциозны и даже неприметны. Завтракал обычно в кафе "Пэ", "Ротонда" или "Дом", так как еда там была довольно сносной и, кроме того, предоставлялась возможность наблюдать за людьми. Если ему хотелось выпить что-нибудь покрепче, он отправлялся в бар "Хэрри", и делал это по двум причинам. Во-первых, потому что напитки там действительно были крепкие,

и, во-вторых, потому что в свой первый визит в Париж, когда ему едва исполнилось шестнадцать, он сделал то, к чему призывала реклама этого бара в газете "Континентел дейли мейл", - сказал шоферу такси: "Сэнк рю дю ну". С этого начался один из самых незабываемых вечеров в его жизни, который кончился тем, что он потерял невинность и бумажник почти одновременно. А обедать Бонд ходил только в самые шикарные рестораны "Вефур", "Канетон", "Лука-Картон" или "Кошон д'Ор". Он считал, что эти рестораны, что бы ни говорил справочник "Мишелин" о ресторанах "Тур д'Аржан", "Максим" и им подобных, не утратили своего блеска, несмотря на обилие чеков и долларов, оставленных в них. В любом случае он предпочитал их кухню. После обеда он обычно направлялся на площадь Пигаль, дабы посмотреть, что там еще может с ним произойти. Когда, как обычно, ничего особенного не случалось, он шел пешком по улицам Парижа до Северного вокзала, приходил домой и ложился спать.

Сегодня вечером Бонд решил выйти за рамки этого рутинного времяпрепровождения и устроить себе настоящий старомодный праздник. Он ехал через Париж после провалившегося задания на австро-венгерской границе. Бонда специально направили из Лондона руководить операцией и контролировать действия начальника поста "V". Это решение, конечно, не могло понравиться венскому персоналу поста. Произошли недоразумения - намеренные. В пограничной минной зоне погиб человек. Теперь начнет работу следственная комиссия. Бонд должен был вернуться в Лондон на следующий день, чтобы доложить о случившемся, и эта мысль угнетала его. Сегодня был такой прекрасный день - один из тех, когда почти начинаешь верить, что Париж красив и весел, - и Бонд решил дать городу последний шанс. Он найдет себе девушку, стоящий вариант, пригласит ее на обед в какое-нибудь фантастическое место в Буа, наподобие "Арменонвилля". Дабы сразу избежать ее вопрошающего выражения лица - деньги всегда вперед, - он как можно скорее даст ей пятьдесят тысяч франков. Потом непременно скажет: "Я хотел бы называть тебя Донатьенна или Соланж, потому что именно эти имена созвучны моему настроению и этому вечеру. Представь, что мы давно знакомы, и ты одолжила мне эту сумму, так как я был в затруднительном положении. Вот эти деньги, а теперь расскажем друг другу все, что с нами происходило с тех пор, как мы виделись в последний раз в Сант-Тропе год назад. А пока - вот меню и карта вин, можешь выбрать все, от чего мгновенно станешь счастливой и толстой". И ей сразу станет легче при мысли о том, что на сей раз не придется прикладывать никаких усилий, она засмеется и скажет: "Но, Джеймс, я не хочу толстеть". И вот так начнут они с мифа "Весенний Париж", и Бонд не станет напиваться, но проявит неподдельный интерес и к самой девушке, и ко всему, что она будет говорить. И Бог мой, он не окажется виноват, когда к концу дня выяснится, что от древней сказки "Хорошее времяпрепровождение в Париже" не останется и следа.

Сидя "У Фуке" и ожидая свой коктейль "Американо". Бонд улыбался этим безумным мыслям. Он знал, что просто фантазирует, находя занимательной мысль о том, что еще сведет счеты с городом, который ненавидел с военных лет. С 1945 года у него не было ни одного счастливого дня в Париже. И дело не в том, что сей город продажный. Многие города нисколько не лучше. Но у Парижа нет сердца - он заложен туристам, заложен русским, румынам и болгарам, заложен подонкам со всего мира, которые постепенно захватили этот населенный пункт. И город, конечно, заложен немцам. Это видно в глазах людей - угрюмых, завистливых, стыдливых. Архитектура! Бонд взглянул через дорогу на ряды черных полированных машин, ослепительно блестящих на солнце. Повсюду так же, как на Елисейских полях. Настоящее лицо города можно увидеть только в течение двух часов - между пятью и семью утра. После семи он тонул в ревящем потоке черного металла, с которым не могут соревноваться ни красивые здания, ни широкие, окаймленные деревьями бульвары.

Поднос официанта с лязгом опустился на мраморный столик. Ловким движением одной руки, которое Бонду никогда не удавалось, официант открыл бутылку "Перрье". Он положил счет под ведерко со льдом, сказал механически: "Пожалуйста, мсье" и быстро отошел. Бонд бросил лед в напиток, налил до краев соды и сделал большой глоток. Он откинулся назад и закурил. Вечер, конечно, будет испорчен. Даже если он найдет девушку через час или около того, содержание ее не будет соответствовать внешнему виду. При ближайшем рассмотрении выяснится, что у нее грубая, влажная, пористая кожа французской буржуа, а светлые волосы под модным вельветовым беретом на самом деле у корней коричневые и такие же жесткие, как струны фортепьяно. Запах мяты не перебьет запаха чеснока, который она ела на обед. Соблазнительная фигура будет замысловато обтянута корсетом. Она окажется откуда-нибудь из Лилля и будет его спрашивать, не американец ли он. И - Бонд улыбнулся про себя - или она, или ее сутенер, возможно, стащат его кошелек. Замкнутый круг! Он очутится там, где начинал. Более или менее. Ну и пошли все к черту!

Потрепанный черный "пежо-403" неожиданно выскочил из своего ряда, пересек ближнюю к тротуару полосу движения и затормозил у обочины. Раздался обычный визг тормозов, гневные возгласы и крики. Совершенно спокойно из машины вышла девушка и решительно двинулась по тротуару, не обращая никакого внимания на поток машин, который привела в такой беспорядок. Бонд выпрямился. У нее было все, абсолютно все, что он мог только себе вообразить. Довольно высокая, и хотя на ней был легкий плащ, то, как она шла и держалась, говорило о красивой фигуре. Лицо веселое и смелое, и именно так она вела свою машину, но сейчас, когда она шла сквозьдвигающуюся по тротуару толпу, в сжатых губах сквозило нетерпение, а в глазах горело беспокойство.

Бонд внимательно следил за ее передвижениями: вот она подошла к столикам и появилась в проходе. Конечно, надежды у него никакой. Она пришла на встречу с кем-то, вероятно, со своим любовником. Такие женщины всегда принадлежат другому. Она опоздала. Поэтому так торопилась. Черт возьми, какие длинные светлые волосы под модным беретом. Ух, вот это везение - она смотрела прямо на него. Она улыбалась...

Прежде чем Бонд успел собраться с мыслями, девушка подошла к его столику, отодвинула стул и села. Она несколько натянуто улыбнулась, глядя в его встревоженные глаза.

- Извините, что опоздала, боюсь, нам надо ехать немедленно. Вас вызывают. - И тихо добавила:

- "Аварийный прыжок".

Бонд усилием воли вернул себя в реальный мир. Кем бы она ни была работала на "фирму". "Аварийный прыжок" - это сленг. Секретная служба заимствовала выражение у подводников. Означало оно плохие новости - хуже не бывает. Бонд порылся в кармане, положил несколько монет на стол и произнес:

- Хорошо. Идемте.

Они поднялись, и он последовал за ней к машине, которая все еще мешала движению. Теперь в любую минуту мог появиться полицейский. Усаживались в машину, провожаемые сердитыми взглядами. Девушка не выключала двигатель. Она с ходу врубила вторую скорость и выехала на дорогу.

Бонд искоса поглядывал на нее. Бледная кожа выглядела бархатной. Светлые волосы казались шелковыми до самых корней.

- Откуда вы и что все это значит? Не сводя глаз с дороги, она ответила:

- Я с поста. Второй помощник. Служебный номер 765. Вне службы - Мери-Энн Рассел. И я понятия не имею, что происходит. Только-только получила сигнал из Центра от М, начальнику поста. Сверхсрочно. Он должен найти вас немедленно и,

если нужно, прибегнуть к услугам французской "Двоечки" - их спецслужбы. Начальник поста "Р" сказал, что вы всегда ходите в одни и те же места в Париже, и я и еще одна сотрудница получили соответствующий список. - Она улыбнулась. - Я только что была в баре "Хэрри", а после "Фуке" собиралась искать вас в больших ресторанах. Как хорошо, что все так быстро уладилось. Она взглянула на него. - Надеюсь, что выглядела не очень неуклюже.

- Выбыли прекрасны. А что стали бы делать, окажись я не один?

Девушка засмеялась.

- Поступила бы точно так же, но величала бы вас "сэром". Не знаю только, что придумала бы, чтобы избавиться от той особы. Если бы она устроила сцену, предложила бы отвезти ее на моей машине, а вам взять такси.

- Вы очень изобретательны. Сколько лет на службе?

- Пять. Но этот пост - первый.

- Как вам здесь нравится?

- Работа вполне устраивает. Вечера, дни проходят незаметно. В Париже нелегко завести друзей, - на ее губах появилась ироническая улыбка, - не обещая всего остального. - Она поспешно добавила:

- Я не ханжа, но французы мне просто надоели. Пришлось отказаться от метро и автобусов. В любое время суток вся попка исципана. - Она улыбнулась. - От подобного внимания устаешь, и, кроме того, я не знаю, что говорить мужчинам в таких случаях, ведь иногда бывает очень больно. Это уж слишком. Чтобы избежать всего этого, купила по дешевке машину, и другие авто держатся от меня подальше. Пока не встретишься взглядом с другим водителем, можно помериться силами с самыми противными из них. Они хотят быть замеченными. Однако опасаются страшного вида машины. И тогда можно отдохнуть.

Они доехали до Ронд-Пойнт. Как бы подтверждая свою теорию вождения, она пересекла его по диагонали и выехала прямо навстречу движению с площади Конкорд. Машины, оторопев, расступились и дали ей проехать на авеню Матильон.

Бонд сказал:

- Здорово. Но не превращайте это в привычку. Здесь могут оказаться свои французские Мери-Энн.

Она засмеялась. И повернула на авеню Габриэль, остановившись у парижской штаб-квартиры Секретной службы.

- Я совершаю такие маневры только на службе. Бонд вышел из машины, обошел ее и оказался рядом с дверцей водителя.

- Спасибо, что подвезли. Когда эта буря пронесется, могу вернуть долг и подвезти вас. Хотя щипать меня некому, но в Париже, кажется, пропаду от одиночества.

Ее широко расставленные глаза были голубого цвета. Она внимательно посмотрела на Бонда и произнесла без тени иронии:

- Я не против. На коммутаторе меня всегда найдут. Бонд дотянулся до ее руки, лежавшей на руле, и пожал ее.

- Вот и прекрасно, - произнес он, повернулся и быстро пошел прямо в арку.

Подполковник авиации Ратгрей, начальник поста "Г", был толстоват, розовощек, имел светлые волосы, которые зачесывал назад. Одевался он манерно, носил брюки с отворотами и двубортный пиджак. Прибавьте к этому бабочку и яркий жилет. Он производил впечатление общительного человека, ни в чем себе не отказывающего. Несколько томные, с хитринкой, голубые глаза не вызывали, однако, доверия. Он постоянно курил сигареты "Голуаз", и его кабинет провонял ими. Появлению Бонда он обрадовался.

- Кто нашел вас?

- Рассел. У "Фуке". Она новенькая?

- Шесть месяцев. Отменный работник. Но садитесь. Черт знает, что творится, я должен все подробно рассказать и - в путь, в путь.

Он наклонился к внутреннему телефону, нажал на переключатель.

- Сообщите для М., пожалуйста. Лично от начальника поста: "Обнаружен 007. Получает инструкции".

И отпустил переключатель.

Бонд отодвинул стул к открытому окну, подальше от дыма "Голуаз". За стеной слышался мягкий шум машин, едущих по Елисейским полям. Полчаса назад он был сыт Парижем по горло и подумывал об отъезде. Теперь он надеялся, что останется.

Начальник поста "F" сказал:

- Кто-то убил вчера нашего утреннего связиста, это произошло на дороге между штабом верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами и сенжерменским отделением. Среди похищенных документов - еженедельная информация разведывательного дивизиона штаба с отчетами объединенной разведки, оперативные инструкции в отношении "железного занавеса", - словом, вся секретная информация. Один выстрел в спину. Взяли его полевую сумку, кошелек и часы.

Бонд сказал:

- Скверно. Ясно, что это не обычное ограбление. Наверное, полагают, что кошелек и часы взяты для отвода глаз?

- Служба безопасности штаба еще не пришла к такому выводу. Но, в общем, они склоняются к тому, что так оно и есть. Семь утра - неподходящее время для ограбления. Но вы можете оспорить их мнение при встрече. М, посылает вас в качестве своего личного представителя. Он очень волнуется. Мало того, что произошла утечка информации, случай этот играет на руку деятелям из разведорганов, им никогда не нравилось, что один из постов действует слишком самостоятельно. В течение многих лет они пытались присоединить сен-жерменское отделение к разведке штаба объединенного командования. Но вы-то знаете, каков М. - во всем хочет независимости, старый черт. Ему никогда не нравилась Служба безопасности НАТО. Подумать только, прямо в разведке штаба пасутся не только пара французов и один итальянец, но и немец, начальник Отдела контрразведки и безопасности. Бонд присвистнул.

- Проблема в том, что штаб пытается подчинить М, себе. В любом случае, сказал М., вы должны отправиться туда немедленно. Я организовал вам разрешение, получил пропуск. Вам нужно явиться к полковнику Шрайберу, Отдел безопасности штаба командования. Американец. Толковый парень. Он занимается этим с самого начала. Насколько мне известно, он уже сделал все, что можно было сделать.

- Что же он сделал? И что произошло? Начальник поста "F" взял карту со стола и подошел к Бонду. Это была крупномасштабная карта пригородов Парижа. Он указал карандашом:

- Вот Версаль, а здесь, к северу от парка, большая развязка трассы Париж Мант и дорог, ведущих в Версаль. Где-то в двухстах ярдах к северу отсюда, на Н-184, находится штаб объединенного командования НАТО. В семь утра каждую среду связист специальной службы выезжает из штаба с разведданными за неделю, о чем я вам говорил. Ему нужно добраться до маленькой деревушки Фурке в окрестности Сен-Жермена, вручить пакет дежурному офицеру нашего штаба и вернуться назад в штаб объединенного командования к семи тридцати. Чтобы не ехать через этот застроенный район, он должен в целях безопасности двигаться по маршруту Н-307 до Сен-Нома, повернуть направо на Д-98, проехать под трассой и через лес Сен-Жермена. Это расстояние составляет около восьми миль, и не торопясь он может проехать его менее чем за четверть часа. Так вот, вчера это был капрал из службы связи, хороший, крепкий парень по имени Бейтс. Когда он не вернулся в штаб

к семи сорока пяти, они послали еще одного мотоциклиста, чтобы найти его. Следов не обнаружилось, и у нас его тоже не было. К восьми пятнадцати была подключена Служба безопасности, а к девяти выставлены дозоры на дорогах. Об инциденте было сообщено полиции и "Двойке", по маршруту отправились группы поиска. Собаки обнаружили его, но только где-то около шести вечера, а к тому времени, если и были какие-то следы на дороге, все смел проходивший транспорт.

Начальник поста "F" протянул карту Бонду и вернулся к своему столу.

- И это почти все, плюс разве что обычные в таких случаях меры - усилен контроль на границе, в портах, на аэродромах и так далее. Но это не поможет. Работали профессионально. Кто бы это ни сделал, времени хватит, чтобы вывезти всю информацию из страны уже в полдень или в течение часа через посольство в Париже.

- Уж это как пить дать, - не сдержался Бонд. - А что М, ждет от меня? Чтобы я поведал обо всем в штабе объединенного командования и сделал это лучше вас? Я тут, пожалуй, ни при чем, пустая трата времени.

Начальник поста "F" сочувственно улыбнулся.

- Я высказал М, фактически ту же точку зрения. Тактично. Старик все понимает. Сказал, что хочет показать штабу, что он относится к этому делу так же серьезно, как и они. Вы оказались под рукой, и он подумал, что именно вы вдруг сможете пролить свет на это дело. Я спросил его, что он имеет в виду, и он ответил, что во всех хорошо охраняемых штабах должен быть незаметный человек, человек, которого все принимают за своего и не замечают, - садовник, мойщик окон, почтальон. Я сказал, что в штабе это предусмотрели и работы такого рода выполняются рядовым составом. М, буркнул, что не нужно понимать все буквально, и повесил трубку.

Бонд засмеялся. Он представил себе недовольный вид М, и словно услышал его резкий голос.

- Хорошо. Я посмотрю, что смогу сделать. Кому мне докладывать?

- Докладывайте сюда. М, не хочет вовлекать отдел в Сен-Жермене. Все, что захотите сообщить, я сразу буду отсылать в Лондон. Но меня может и не быть, посажу на телефон дежурного офицера, с ним вы сможете связаться в любое время дня и ночи. Пожалуй, для этого подойдет Рассел. Она нашла вас. Вот и работайте вместе. Подходит?

- Да, - ответил Бонд. - Она подойдет.

Потрепанный "пежо", который вел сейчас Раттрей, сохранил ее запах. Ее вещи лежали и в бардачке - полплитки молочного шоколада "Сухард", заколки, завернутые в салфетку, роман Джона О'Хара в мягкой обложке, одна перчатка из черной замши. Бонд думал о ней всю дорогу до Этуалья, а потом, пока они проскакивали Буа, выбросил все эти мысли из головы. По словам Раттрея, через пятнадцать минут, если ехать со скоростью пятьдесят миль, они должны быть на месте. Бонд попросил сбросить скорость наполовину, дабы увеличить время вдвое, и передать полковнику Шрайберу, что он будет у него в девять тридцать. После Порт-де-Сент-Клауд движение было небольшое, и они двигались по автотрассе со скоростью семьдесят миль, пока не доехали до поворота, где стоял красный знак, указывавший дорогу к штабу. Шоссе пошло под уклон, и они уже мчались по маршруту Н-184. Вскоре в центре дороги ярдах в двухстах от них возник регулировщик, о котором говорили Бонду. Через большие ворота, появившиеся слева, Бонд въехал на закрытую территорию и затормозил у первого поста. Американский полицейский в серой форме поднял в приветствии руку и взглянул на его пропуск. Он попросил Бонда проехать чуть дальше и остановиться. Теперь его пропуск взял французский полицейский, сделал пометки на бланке, прикрепленном к доске, и положил ему на переднее стекло большой пластиковый номерной знак: можно было трогаться дальше. Как только Бонд въехал на стоянку, неожиданно, как в театре, вспыхнула сотня дуговых

дамп и осветила, как белым днем, поселок, лежащий перед ним. Чувствуя себя словно голым, Бонд прошел по гравию под флагами стран НАТО, взбежал по четырем маленьким ступенькам к широким стеклянным дверям, которые вели в штаб верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Здесь находился главный пост охраны. Американская и французская военная полиция еще раз проверила его пропуск и сделала пометки. Его передали британскому представителю военной полиции, и тот повел Бонда по основному коридору мимо бесконечных дверей кабинетов, на которых не было никаких имен, только обычная для всех штабов абракадабра условных обозначении. Одна из них звучала так:

КОМСТРИКФЛТАНТ и САКЛАНТ СВЯЗЬ САКЕЮР.

Бонд спросил, что это значит. Представитель военной полиции или действительно не ведал о том, или просто в целях безопасности произнес бесстрастно:

- Не могу знать, сэр.

За другой дверью, уже с табличкой "Полковник Дж. А. Шрайбер, начальник Службы безопасности, штаб главнокомандующего", Бонда встретил подтянутый американец средних лет с седеющими волосами и приторно вежливой манерой управляющего банком. На столе у него стояли несколько семейных фотографий в серебряных рамках и ваза с одной белой розой. В комнате не чувствовалось запаха табака. После первых слов приветствий Бонд поспешил поздравить полковника с отлично организованной охраной.

- Все эти проверки и перепроверки для противника должны быть как кость в горле. Вероятно, здесь не было ни одного ЧП, или я не прав?

- Нет, на оба ваши вопроса, командер. Я доволен обстановкой в штабе. Беспокойство вызывают только внешние подразделения. Кроме этого отдела вашей Секретной службы, у нас еще несколько местных частей связи. Потом здесь работают, конечно, сотрудники министерств внутренних дел четырнадцати различных государств. Я не могу отвечать за их действия.

- Да, нелегкая работа, - согласился Бонд. - Теперь об этом деле. Есть что-нибудь новенькое? Я располагаю лишь той информацией, что сообщил мне подполковник Раттрей.

- В связиста стреляли из "люгера". Перебит позвоночник. Выстрел, вероятно, сделан с расстояния тридцати ярдов, плюс-минус десять ярдов. Если наш человек ехал, никуда не сворачивая, то пуля была выпущена сзади по горизонтальной траектории. Поскольку убийца, не мог стоять на дороге, стрелял он, по-видимому, из машины или с любого движущегося транспорта.

- Тогда ваш человек мог видеть его в зеркале заднего обзора?

- Возможно.

- Если ваши мотоциклисты обнаруживают за собой слежку, какие у них на этот счет инструкции? Как уходить от погони?

Полковник слегка улыбнулся.

- Они должны включить все обороты и сматываться немедленно.

- И на какой же скорости упал ваш человек?

- Они предполагают, что он ехал не очень быстро. Двадцать, может быть сорок миль. К чему вы клоните, командер?

- Мне вдруг пришло в голову, задумывались ли вы о том, кто так сработал: профессионал или любитель? Если ваш человек не пытался уйти и если он видел убийцу в зеркале, что, конечно, только мое предположение, то из этого следует, что он принял преследовавшего его типа за друга, а не за противника. А это значит, что его бдительность усыпили, придумали нечто такое, что выглядело вполне естественно, вписывалось в ситуацию, которая могла возникнуть на дороге в то

раннее утро.

На гладком лбу полковника Шрайбера появилась небольшая морщинка.

- Коммандер. - Голос его звучал напряженно. - Мы, конечно, проанализируем все детали этого инцидента, включая и ту, что вы упомянули. Вчера в полдень генерал приказал бросить на расследование происшествия все силы: созданы постоянные комиссии по охране и безопасности, с этого момента любая дополнительная информация, любая зацепка в деле изучаются основательно. И я хочу сказать вам, коммандер, - полковник поднял ухоженную руку с наманикюренными ногтями и мягко опустил ее на блокнот, лежавший перед ним, что человек, который выдвинет хоть мало-мальски оригинальную версию происшедшего, окажется просто родственником Эйнштейна. Однако пока нет решительно ничего, я повторяю - ничего, на что можно было бы опереться.

Бонд сочувствующе улыбнулся и поднялся.

- В таком случае позвольте откланяться, полковник. Единственная просьба разрешите взглянуть на протоколы всех совещаний по этому вопросу, чтобы быть в курсе, и еще - пусть кто-нибудь покажет, где здесь можно перекусить, и проводит меня в отведенную комнату.

- Конечно, конечно.

Полковник нажал на кнопку. Вошел молодой адъютант с короткой стрижкой.

- Проктор, покажите коммандеру его комнату в крыле здания для особо важных гостей, а затем проводите в бар и столовую. - Он повернулся к Бонду:

- Бумаги подготовят для вас после ужина. Они будут в моем кабинете. Их нельзя выносить отсюда, но все, что надо, вы найдете в соседнем помещении, и Проктор поможет вам, если возникнет необходимость. - Он протянул руку. Договорились? Жду вас у себя утром.

Бонд откланялся и вышел вслед за адъютантом. Пока шествовал по коридорам, которые были выкрашены в нейтральный цвет и даже имели нейтральный запах, думал о том, что это, возможно, самое безнадежное задание, какое ему когда-либо поручали. Если лучшие умы разведки четырнадцати стран поставлены в тупик, каковы же его шансы? Наслаждаясь спартанской роскошью обители для заезжих чинов. Бонд решил, что поработает здесь пару деньков лишь для того, чтобы почаще видеть Мери-Энн Рассел, а потом отправится восвояси. И придя к этому решению, он быстро заснул глубоким и спокойным сном. Не два, а четыре дня спустя, с восходом солнца. Бонд лежал на толстой ветке дуба, наблюдая за небольшой просекой, которая терялась между деревьями вдоль дороги Д-98, дороги, на которой было совершено убийство.

С головы до ног он был одет как парашютист - в зеленое, коричневое и черное. Даже руки его были покрашены в эти цвета, а на голову надет капюшон. Это был хороший камуфляж, а когда взойдет солнце и тени станут темнее, маскировка только улучшится, и Бонда нельзя будет заметить с земли, даже если стоять прямо под деревом.

Здесь же он оказался следующим образом.

Первые два дня, проведенные в штабе, как и ожидалось, были пустой тратой времени. Бонд не только ничего не добился, но даже стал непопулярен, так как настойчиво задавал одни и те же вопросы. На третий день утром он уже собирался распрощаться со всеми и уехать, как вдруг ему позвонил полковник.

- Коммандер, думаю, что должен поставить вас в известность: вчера поздно ночью прибыла последняя розыскная группа, работавшая с собаками, они еще раз прочесали весь лес, как вы настаивали. Должен огорчить, - в голосе его не было и капли сожаления, - ваши предположения не подтвердились, совершенно не подтвердились.

- Значит, напрасно теряли время. Однако, если не возражаете, - добавил Бонд,

чтобы досадить полковнику, - я хотел бы поговорить с кинологом.

- Конечно, конечно. Он в вашем распоряжении. Кстати, командер, а как долго вы намерены оставаться у нас? Конечно, гостям мы всегда рады. Вот только места может не хватить. Ума не приложу, где вас разместить, - ведь через несколько дней сюда приезжает большая группа из Голландии. Высшее начальство или что-то в этом роде, и администрация утверждает, что расселять их негде.

Бонд и не думал, что найдет с полковником общий язык, к этому он вовсе не стремился. И поэтому мирно произнес:

- Я доложу об этом своему шефу и тут же перезвоню вам, полковник.

- Пожалуйста, будьте любезны.

Голос полковника прозвучал также вежливо, но оба еле сдерживали себя телефонные трубки были брошены почти одновременно.

Главный кинолог оказался французом из Ландеза. У него были шустрые, хитрые глазки браконьера. Бонд встретился с ним у псарни, но овчарки чувствовали близость кинолога, и он повел Бонда туда, где не был слышен их лай, - в дежурную комнату, небольшое служебное помещение, на стенах которого висели бинокли, на лавках лежали плащи, резиновые сапоги, ошейники и другие предметы. В комнатке стояло всего два стула и стол, покрытый крупномасштабной картой Сен-Жерменского леса. Карта была разбита карандашом на квадраты. Кинолог жестом показал на карту.

- Наши собаки прочесали все. Ничего нет, мсье.

- Вы хотите сказать, что они это сделали не один раз?

Кинолог почесал в затылке.

- У нас возникли проблемы с дичью. Собаки подняли парочку зайцев. Были и лисьи норы. Кроме того, еле отвели их от просеки около Каррефур-Руаяль. Возможно, они еще чувствовали запах цыган.

- О! - Бонд сделал вид, что это его мало интересует. - Кстати, где это? И кто были эти цыгане?

Кинолог изящно вытянул смуглый маленький палец.

- Это старые названия. Вот Этуаль-Парфе, а здесь, где произошло убийство, находится Каррефур-де-Кюрье. Здесь же, как бы образуя нижнюю часть треугольника, расположен Каррефур-Руаяль, который, - добавил он драматически, - как бы образует крест с дорогой смерти.

Он вытащил из кармана карандаш и поставил точку рядом с пересечением дорог.

- А это просека, мсье. Здесь жили цыгане большую часть зимы. Они ушли в прошлом месяце. Все убрали за собой, но для собак запахи их еще долго не выветрятся.

Бонд поблагодарил его, выразил желание взглянуть на собак, долго восторгался ими, поговорил о профессии кинолога, затем сел в "пежо" и уехал в жандармерию Сен-Жермена. Да, конечно, там знали о цыганах. Очень похожи на румын. Почти ни слова не знали по-французски, но вели себя хорошо. Жалоб не было. Шесть мужчин и две женщины. Нет, никто не видел, как они уходили. Однажды утром их просто не оказалось на месте. Может быть, снялись еще за неделю до происшедшего, шут их знает. В том районе редко кто бывает.

Бонд поехал по дороге Д-98 через лес. Когда впереди на расстоянии четверти мили появился большой автострадный мост через дорогу, Бонд увеличил скорость, затем выключил двигатель и тихо покатыл по Каррефур-Руаяль. Он остановился, вышел из машины, стараясь не шуметь и чувствуя себя довольно глупо, мягко вошел в лес и с большой осторожностью направился к тому месту, где находилась просека. Через двадцать ярдов он приблизился к ней. Постоял на опушке меж кустарниками и деревьями, внимательно все осмотрел. Затем вышел на просеку и прогулялся по ней от начала до конца. Просека, заросшая густой травой и мхом, выглядела словно два

теннисных корта. Перед ним лежал просторный участок земли, покрытый ландышами, а под деревьями росли колокольчики. Чуть в стороне располагался низкий холм, похожий на курган, полностью окруженный и заросший куманикой и пышно цветущим шиповником. Бонд прошелся вокруг, что-то искал у корней деревьев, но не увидел там ничего, кроме земляного основания холма.

Бросив последний взгляд, он двинулся в угол прогалины, который находился ближе всего к дороге. Здесь легче было пройти между деревьями. Может быть, кто-то проложил тропку - довольно плотно примяты опавшие листья? Да нет, пожалуй, разве что прошли мимо цыгане или кто-нибудь устроил здесь когда-то веселый пикничок. С краю дороги между двумя деревьями оказался узкий проход. Не придавая своим действиям особого значения, Бонд наклонился, чтобы рассмотреть стволы. Он напрягся и присел. Осторожно скосил ногтем тонкую полоску затвердевшей грязи на стволе дерева. За ней скрывалась глубокая царапина. Свободной рукой он размял упавшую грязь. Сплюнул, размочил ее и осторожно заполнил царапину снова. На одном дереве было три замаскированные царапины, а на другом - четыре. Бонд быстро вышел на открытую дорогу. Его машина стояла на небольшом уклоне, который вел прямо к автострадному мосту. Сюда почти не доносился шум транспорта на шоссе. Бонд толкнул машину, впрыгнул в нее и включил двигатель только тогда, когда оказался под мостом.

Он мысленно перенесся назад, на просеку. Вот он проезжает над ней, но все еще не уверен в своих предчувствиях. Напутствие М, вроде бы навело его на след - если это след - и еще то упоминание о цыганах.

Собаки чувствовали именно запах цыган... Большую часть зимы... Они ушли месяц назад. Жалоб не было... Однажды утром их просто... Невидимый фактор. Невидимый человек. Люди, составляющие неотъемлемую часть фона. Никто даже не знает, там они или нет. Шесть мужчин и две женщины, совсем не говорили по-французски. Хорошее прикрытие, цыгане. Иностранец и одновременно не иностранец, просто цыган. Одни из них уехали в фургоне. Другие остались, построили зимний лагерь, тайное место, первой вылазкой из которого стало похищение секретных донесений. Бонд полагал, что просто фантазирует, пока не обнаружил царапины - тщательно замаскированные царапины на двух деревьях. Они располагались как раз на такой высоте, на которой могли зацепиться за ствол педаль, скажем, велосипеда, переноси его кто-нибудь. Возможно, он придумал все это, высосал из пальца, но на то он и Бонд. Единственный вопрос, который вертелся теперь у него в голове, это - совершили ли те люди одиночную вылазку или они, будучи уверены в своей безопасности, предпримут и вторую попытку.

Он сообщил о своих размышлениях - по секрету - на пост "F". Мери-Энн Рассел посоветовала вести себя осторожнее. Начальник поста "F" сказал, что силы его подразделения в Сен-Жермене всегда к услугам Бонда. Попрощаясь с полковником Шрайбером, Бонд перебрался в помещение поста (где ночевать приходилось почти по-походному), располагавшееся в неприметном домике на тихой деревенской улице. Сотрудники поста обеспечивали необходимое прикрытие, все четверо, давно связавшие жизнь с Секретной службой, без лишних вопросов отдали себя в распоряжение Бонда. Как и он, они прекрасно понимали, что, если удастся обставить Службу безопасности штаба главнокомандующего, это явится таким бесценным достижением Секретной службы, что все страхи М., связанные с нападениями на его людей и попытками ущемить их независимость, мгновенно улетучатся.

Бонд лежал на дубовой ветке и улыбался. Частные армии, частные войны. Сколько энергии потеряно для общего дела, сколько огня они отводят от общего врага!

Шесть тридцать. Время завтрака. Правой рукой Бонд осторожно пошарил в

кармане и, достав таблетку глюкозы, как можно дольше сосал ее, затем взял другую. Глаза его не отрывались от просеки. Рыжая белка, которая появилась с рассветом и с тех пор грызла молодые побеги бука, приблизилась к кустам шиповника на холме и подо брала что-то с земли. Потом она стала поворачивать найденное в лапках и грызть. Два лесных голубя, шумно ухаживая друг за другом в густой траве, начали заниматься любовью. Пара лесных зверюшек деловито собирала разные палочки и щепочки, птички строили гнездо в колючем кустарнике. Толстый дрозд нашел наконец червяка и, упершись лапками, тянул его к себе. Пчелы, гнездившиеся среди роз на холме, - он лежал, может быть, ярдах в двадцати от них, - жужжали непрерывно. Все вокруг казалось сказкой - розы, ландыши, птицы и снопы солнечных лучей, проникающие сквозь высокие деревья и лежащиеся на яркую зелень. Бонд забрался в свое укрытие в четыре утра, никогда раньше он не наблюдал так близко переход от ночи к чудесному дню. И вдруг он почувствовал себя довольно глупо: в любой момент любая птичка может подлететь и сесть ему на голову!

Первыми встревожились голуби. Громко хлопая крыльями, они взлетели и укрылись на деревьях. За ними последовали другие птицы, убежала и белка. Теперь на просеке стало тихо, доносилось только жужжание пчел. Что произвело такое волнение? Сердце Бонда сильно забилося. Он принялся внимательно осматривать просеку в поисках разгадки. Что-то пошевелилось в кустах роз. Это было едва заметное, но очень необычное движение. Медленно, дюйм за дюймом поднимался среди высоких веток один колючий стебель, неестественно прямой и довольно толстый. Он поднимался, пока не возвысился над кустом на один фут. Потом остановился. На конце стебля торчала одна роза. Отделенная от куста, она выглядела как-то искусственно, но только для того, кто наблюдал весь предшествующий процесс. При случайном взгляде этот отдельный стебелек вряд ли привлек внимание. Но вот лепестки розы начали бесшумно вращаться и расширяться, желтые пестики раздвинулись, и солнце сверкнуло на стеклянных линзах размером в шиллинг. Линзы, казалось, смотрели прямо на Бонда, потом очень, очень медленно роза-глазок начала поворачиваться до тех пор, пока линзы снова не остановились на Бонде - круговой осмотр просеки был окончен. Как будто бы удовлетворенные, полусонные лепестки стали мягко вращаться и накрыли глазок, а затем одинокая роза тихо и спокойно опустилась и соединилась с другими цветами.

Дыхание Бонда участилось. На мгновение он прикрыл глаза, чтобы дать им отдохнуть. Цыгане! Будь он проклят, если это оборудование не доказательство того, что глубоко под землей, внутри холма, располагается такое шпионское укрытие, какое еще не приходилось видеть. Это будет почище всего того, что подготовила Англия на случай успешного наступления немцев, и намного лучше приспособлений самих немцев, оставленных ими в Арденнах. По спине Бонда пробежала дрожь - смешались вместе восторг охоты и чувство опасности, почти страха. Итак, он был прав! Что же теперь предпринять?

В это время со стороны холма послышался тонкий, высокий, надрывный звук, звук электрического двигателя, работающего на больших оборотах. Розовый куст слегка задрожал. Пчелы взлетели, покружились и снова сели. Медленно в центре куста образовался неровный излом, который постепенно расширялся. Две половины куста открывались, как двойные двери. Сейчас в них зияло темное отверстие. Бонд увидел корни куста, сбегавшие в землю с двух сторон открывшегося входа. Звук мотора стал громче, и из-за выгнутых дверей появился блестящий металл. Все это напоминало открывающиеся половинки пасхального яйца. Через минуту оба сегмента отошли друг от друга, и две половинки розового куста со все еще сидящими на них пчелами широко раскрылись. И теперь солнце осветило трубу, на которой держались земля и куст. Из темной щели в проеме блеснул бледный электрический свет. Двигатель умолк. Показались голова и плечи, а затем весь человек. Он

осторожно вылез наружу и присел на корточки, внимательно осматривая просеку. В руках у него был "люгер". Удовлетворенный осмотром, он обернулся и махнул в шахту рукой. Появились голова и плечи второго человека. Он передал первому три пары приспособлений, похожих на снегоступы, и скрылся из вида. Оставшийся выбрал одну пару, встал на колени и прикрепил другие снегоступы поверх сапог. Теперь он передвигался свободно, не оставляя следов, так как трава только на мгновение сминалась под крупной сеткой, затем медленно выпрямлялась вновь. Бонд улыбнулся про себя. Умные негодяи!

Появился второй человек. За ним - третий. Они передали друг другу мотоцикл из шахты и держали его на подвесных ремнях, пока первый мужчина, явно лидер, вставал на колени и прикреплял снегоступы к их сапогам. Затем строем в одну линейку они пошли между деревьями к дороге. Было что-то ужасно зловещее в том, как мягко они ступали в тени, осторожно, по очереди поднимая и опуская большие, обвязанные ремнями ноги.

Бонд вздохнул с облегчением и положил голову на ветку, чтобы снять напряжение с шейных мышц. Так вот в чем дело! Теперь не оставалось и тени сомнений, все встало на свои места. Если двое подчиненных были одеты в серые маскхалаты, то на главаре была форма мотоциклиста королевских войск связи, и на бензиновом баке зеленого мотоцикла "БСАМ-20" вырисован регистрационный номер британской армии. Неудивительно, что связист штаба позволил подъехать ему так близко. А что они делали со своей сверхсекретной добычей? Возможно, передавали ночью по радио самое важное. Из куста роз вместо перископа поднимается антенна, переносной генератор заработает глубоко под землей, и полетят в эфир шифровки. Шифры? В этой шахте, наверное, скрыта целая куча секретов противника, вот бы попасть туда в отсутствие всей команды. И какая возможность послать ложное донесение в ГРУ, советскую военную разведку, которая, вероятно, верховодила здесь. Мысли Бонда не поспевали одна за другой.

Двое подчиненных между тем возвращались. Они вошли в шахту, и куст роз закрылся над ней. Главарь со своим мотоциклом был, наверное, уже в кустарнике около дороги. Бонд посмотрел на часы. Шесть пятьдесят пять. Ну, конечно! Он хочет выяснить, поедет ли очередной связист: либо этот тип не знает, что человек, которого он убил, совершал такие поездки раз в неделю, что маловероятно, либо предполагает, что в целях дополнительной безопасности штаб изменит заведенный порядок. В команде люди осторожные. Возможно, им было приказано собирать информацию лишь до конца лета, пока в лесу не так много туристов. Затем - перерыв, а зимой операция возобновится. Кто знает их дальнейшие планы? Достаточно того, что их главарь готовился еще к одному убийству.

Проходили минуты. В семь десять главарь появился снова. Он остановился в тени большого дерева на краю просеки и коротко свистнул, подражая птице. Куст роз сразу начал открываться, вышли двое подчиненных и проследовали к деревьям за своим начальником. Через две минуты они уже шли обратно с мотоциклом. Внимательно осмотрев все вокруг, не осталось ли следов, главарь спустился за ними в шахту, и две половинки куста роз мгновенно закрылись за ним.

Через полчаса жизнь на просеке шла как ни в чем не бывало. А еще через час, когда солнце поднялось высоко и тени стали совсем темными, Джеймс Бонд медленно сполз с ветки, мягко спрыгнул в мох и осторожно исчез в лесу.

В этот вечер обычный телефонный разговор Бонда с Мери-Энн Рассел проходил бурно.

- Вы сумасшедший, - заявила она. - Я не позволю вам этого сделать. Я сообщу начальнику поста, он позвонит полковнику Шрайберу и все ему расскажет. Это работа штаба. Вы здесь ни при чем.

Бонд отвечал еще резче:

- Вы не сделаете ничего подобного. Полковник Шрайбер утверждает, что с радостью разрешит мне провести завтра утром следственный эксперимент, и я отправлюсь вместо связиста. Это все, что его интересует на данном этапе. Попытаемся воссоздать картину преступления. Впрочем, ему на все наплевать. Практически он закрыл дело. А вы будьте умницей и делайте, что говорят. Передайте мое сообщение М. Он поймет, почему я сам хочу закончить это дело. И не станет возражать!

- К черту М.! К черту вас! К черту всю эту службу! - Было слышно, что она плачет от злости. - Вы просто дети, играющие в индейцев. Брать этих людей одному! Это..., это позерство! Да, это просто позерство.

Бонд начал сердиться.

- Все, Мери-Энн, - сказа он, - передайте мое сообщение. Извините, но это приказ.

- Хорошо. - В ее голосе прозвучало смирение. - Не стоит использовать преимущества своего звания. Но будьте осторожны. И уж во всяком случае захватите с собой ребят с нашего поста. Желаю удачи.

- Спасибо, Мери-Энн. И еще одна просьба - поужинать со мной завтра вечером. Ну, скажем, в "Арменонвилле". Розовое шампанское и цыганские скрипки. Париж весной.

- Да, - сказала она серьезно. - С удовольствием. Но в таком случае тем более соблюдайте все меры предосторожности. Я вас очень прошу.

- Конечно, конечно. Не беспокойтесь. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Бонд провел оставшуюся часть вечера, отрабатывая последние штрихи своего плана, давая последние указания четырем сотрудникам поста "F".

Наступил следующий день. Не менее прекрасный. Бонд, удобно усевшись на ревущий "БСА", с трудом мог поверить, что за Каррефур-Руаяль уже поджидает засада. Капрал из отделения связи, который передавал ему полевую сумку и напутствовал, сказал:

- Вы выглядите так, будто всю жизнь служили в войсках связи, сэр. Я бы заметил, что, пожалуй, пора подстричься, но форма сидит великолепно. Как вам нравится машина, сэр?

- Ход прекрасный. Я забыл уже, какое удовольствие испытываешь при езде на этих машинах.

- А я, сэр, предпочитаю малышку "остина", модель А-40. - Капрал взглянул на часы. - Почти семь. - Он поднял большой палец. - Вперед!

Бонд надел очки, махнул капралу рукой, нажал на стартер, покатыл по гравию и выехал через главные ворота.

Миновав 184-ю дорогу, проскочив 307-ю через Бэлли и Нуази-ле-Роуа, он оказался у беспорядочно раскинувшегося перед ним Сен-Номом. Здесь он свернул направо на Д-98, дорогу смерти, как назвал ее кинолог. Бонд притормозил у края дороги и еще раз осмотрел длинновольный "кольт" 45-го калибра, засунул теплое от прикосновения к телу оружие за пояс и оставил расстегнутой пуговицу мундира. На старт! Приготовиться!..

Резко срезав угол, Бонд довел скорость до пятидесяти миль. Впереди показался виадук, под которым проходила Парижская автострада. Появившееся черное отверстие туннеля проглотило Бонда. Шум от его выхлопной трубы стоял ужасный, на мгновение дохнуло сыростью и холодом. Затем он вынырнул из туннеля на солнце и пересек Каррефур-Руаяль. Впереди, на расстоянии двух миль, сверкало в лесу блестящее гудронированное шоссе, щекотал ноздри приятный запах листьев и росы. Бонд сбавил скорость до сорока. Зеркало с левой стороны слегка тряслось от скорости. В нем не отражалось ничего, кроме пустой дороги, петлявшей между

рядами деревьев и извивавшейся за ним, как зеленая струя. Никаких убийц! Стоп, без паники. Маленькая задержка? Но вот в центре изогнутого зеркала появилась маленькая черная точка - комар, который постепенно превратился в муху, потом в пчелу, потом в жука. А теперь жук стал шлемом, низко надвинутым на голову, прижатую почти к самому рулю между двумя большими черными лапами. Вот черт, приближается он быстрее, чем Бонд предполагал. Переводя глаза от зеркала на дорогу и обратно, он ждал, когда правая рука убийцы полезет за оружием...

Бонд сбросил газ - тридцать пять, тридцать, двадцать. Дорога впереди была гладкая, как металл. Последний быстрый взгляд в зеркало. Убийца снял правую руку с руля. Солнце осветило громадные страшные глаза. Теперь! Бонд резко затормозил, и мотоцикл забуксовал, надрывая двигатель. Он не успел выстрелить первым, оружие противника рывнуло дважды, и одна из пуль попала в пружины сиденья рядом с бедром Бонда. Затем прозвучал его выстрел из "кольта", и убийца и его мотоцикл, как будто пойманные на аркан, брошенный из леса, резко вильнули с дороги, машина перепрыгнула через канаву, водитель ударился головой о ствол березы. На мгновение человек и мотоцикл как бы прилипли к стволу. Затем, сопровождаемые скрежетом металла, повалились назад в траву. Бонд слез с мотоцикла и подошел ближе. Необходимости щупать пульс не было. Пуля попала в шлем, и он разбился, как яичная скорлупа. Бонд отвернулся и засунул оружие обратно за пояс. Ему повезло. Не нужно испытывать удачу. Он сел на "БСА" и поехал вниз по дороге. Прислонив "БСА" к одному из деревьев с отметиной, Бонд неслышно направился к просеке. Остановился в тени большой березы. Облизнул губы и свистнул, стараясь это сделать так, как убийца. Подождал, прислушался. Может, что не так? Но вот куст задрожал, и раздался тонкий высокий звук. Бонд засунул правый большой палец за ремень рядом с оружием. Он надеялся, что ему не придется никого убивать. Ему казалось, что двое младших по чину не были вооружены. Если ему повезет, возьмут их спокойно.

Дверцы уже открылись. С того места, где Бонд находился, ему не было видно, что происходит в шахте, но через несколько секунд вышел первый, надевая снегоступы, за ним последовал второй. Снегоступы! Сердце Бонда на минуту остановилось. Он забыл о них! Они, должно быть, спрятаны где-то в кустах. Дурак! Заметят его промах или нет?

Эти двое, осторожно переступая, медленно подходили к нему. На расстоянии двадцати шагов тот, кто шел первым, произнес что-то еле слышно и как будто по-русски. Бонд не ответил, и они остановились. Уставились на него с удивлением, ожидая, по-видимому, ответа на пароль. Бонд почувствовал, что быть беде. Он выхватил оружие и, пригибаясь, двинулся в их сторону.

- Руки вверх!

Он размахивал "кольтом". Идущий первым выкрикнул приказ и бросился вперед. Второй прыгнул назад к укрытию. Раздался выстрел из-за деревьев, и правая нога человека подогнулась. Люди поста вышли из укрытия и побежали к ним. Бонд упал на одно колено и ударил дулом пистолета падающее тело. Удар достиг цели, но в следующее мгновение человек уже сидел на нем. Бонд понял, что тот старается дотянуться ногтями до его глаз, увернулся и ударил снизу. Теперь рука противника схватила Бонда за правое запястье, и оружие медленно поворачивалось в его сторону. Бонд не хотел убивать. Он старался поставить оружие на предохранитель и пытался дотянуться до него большим пальцем. Ему нанесли удар сапогом по голове. Бонд выпустил пистолет и упал. Как в красном тумане, он увидел дуло пистолета у своего лица. Мелькнула мысль, что вот сейчас он умрет - умрет из-за того, что пощадил другого!..

Неожиданно дуло исчезло, человек на нем больше не сидел. Бонд встал на колени, потом поднялся на ноги. Тело, распростертое около него, дернулось в

последний раз. В комбинезоне виднелись кровавые дыры. Бонд оглянулся. Четыре сотрудника поста стояли группкой. Бонд расстегнул шлем и ощупал голову.

- Спасибо. Кто это сделал?

Ответа не последовало - общее замешательство.

Удивленный Бонд подошел к ним.

- Что случилось?

Вдруг Бонд заметил какое-то движение за ними. Показалась еще одна нога женская. Бонд расхохотался. Парни робко улыбнулись и оглянулись назад. Там, с поднятыми вверх руками, появилась Мери-Энн Рассел, одетая в коричневую рубашку и черные джинсы. В руке у нее, похоже, был спортивный пистолет 22-го калибра. Она опустила руки и сунула пистолет за пояс. Потом подошла к Бонду и спросила, задыхаясь:

- Надеюсь, вину это никому не поставят? Я просто не могла отпустить их одних сегодня утром. - Она умоляюще взглянула на Бонда. - В самом деле повезло, что я приехала, то есть оказалась первой. Никто и не собирался стрелять, все боялись задеть тебя.

Бонд улыбнулся ей.

- Не окажись ты здесь, наше свидание не состоялось бы. Он повернулся к парням с поста "F" и сказал вполне по-деловому:

- Ну, ладно. Слетайте кто-нибудь на мотоцикле и доложите суть того, что произошло, полковнику Шрайберу. Скажите, что мы подождем его команду - надо осмотреть укрытие. И пусть пришлет пару саперов. В шахте могут быть мины-ловушки. Понятно?

Бонд взял девушку под руку.

- Иди сюда. Я хочу показать тебе, как птицы выют гнездышки.

- Это приказ?

- Да.